

Виктор Розов. Его пьесы шли в сотнях театров Советского Союза, ставились в США и Германии. За ним прочно укрепилось звание патриарха советской драматургии.

Недавно во МХАТе им. Горького одна за другой прошли премьеры по его пьесам «В день свадьбы» и «Ее друзья». Происходящее на мхатовской сцене не совпадает с окружающей жизнью. И кажется, именно это

несоответствие создает художественное очарование. С Виктором Сергеевичем Розовым мы встретились через неделю после премьеры спектакля «В день свадьбы»

Фото Виктора ВАСЕНИНА

Виктор РОЗОВ:

ДОБРЫЕ ПЬЕСЫ НЕСОВРЕМЕННЫ

Новая 193-1999-17-23 мая-с.23

— Виктор Сергеевич, чем отличается сегодняшняя постановка от спектаклей 60-х годов по этой вашей пьесе?

— Тогда пьесу «В день свадьбы» ставили два московских театра: «Ленком» и «Современник». Но «Современник» перегрузил постановку бытом. А вот Эфрос в «Ленкоме», напротив, дошел до философских обобщений. Я не думал и не гадал, но потом пьеса прошла по всему Союзу! Так и будь доволен! Но судьба послала мне еще один подарок: через 36 лет пьесу поставили во МХАТе имени Горького. Что это такое — для меня загадка. (Смеется.) Везучий я человек, что ли? «Ее друзья» написана 50 лет назад, и сейчас ее принимают горячее, чем раньше. Я объясняю это тем, что люди сегодня соскучились по нормальному человеческим отношениям. Но я никогда не думал, что «Ее друзья» или «В день свадьбы» будут еще когда-нибудь поставлены.

— А какие ваши пьесы, на ваш взгляд, будут иметь долгую сценическую жизнь?

— Никакие! Они останутся в книгах. И их забудут, будто их и не было. Но вот через 50 лет они поставлены! И сегодняшний зал более бурно принимает эти пьесы. Тогда такие человеческие взаимоотношения были обычными, а сейчас они удивляют. Тогда вируса денег, который, по моему убеждению, хуже чумы и холеры, среди нас не существовало. И такие отношения, которыми связаны люди этих двух пьес, ближе человеческому сердцу, быть может, именно у нас на Руси. Народ соскучился по доброй душе. Приходят в зал двенадцатилетние, и думаешь: сейчас начнется кавардак в зале. И тишина! Все это, конечно, очень связано с тем, как и чем сейчас живут люди. Я нахожусь не то чтобы в оппозиции к правительству, я никак к нему не отношусь. Я никогда не был ни пионером, ни комсомольцем, ни членом партии. Я есть я, и мне отдельно очень хорошо, без партий и организаций. Я только вижу: страдают люди от того, что происходит, или живут прилично. У нас страдают. Вот на этом стуле, на котором ты сейчас сидишь, сидела женщина из Костромы, где я прожил много лет, и она сказала: «У нас голод». А во Владикавказе взорвали рынок, и людей собирали по частям. У меня все это из головы не уходит.

— И как вы думаете, какой должна быть пьеса о современной жизни?

— Я не знаю. Я не пишу сейчас пьес и не хочу. Во-первых — возраст. Нельзя в 85 лет писать, а то напишешь глупости. Даже Лев Толстой к концу своей жизни, а

он моложе меня умер, и то писал иногда совсем не по делу.

— Неужели вы не задумываетесь, какие сейчас нужны пьесы, о чем писать?

— Я бы мог сейчас написать пьесу эмоциональную, добрую. Это не трудно, но такая пьеса не будет выражать время.

— Но ваши пьесы во МХАТе идут с большим успехом. Значит, можно писать вопреки времени и быть нужным?

— Нет, эти пьесы не имеют никакого отношения к тому, что происходит сейчас. Они не в противовес и не вопреки времени, они просто в стороне.

— Но если зал заполнен и взволнован, значит, пьеса в чем-то современна?

— Это пьесы о прошлой нашей жизни. Здесь существен момент ностальгии. Но какая же там связь с процессами, происходящими сейчас? Просто другая была жизнь, и на сцене МХАТа воссоздана маленькая ее часть. Конечно, в прошлой нашей жизни было много ужасного, но было много и очень хорошего.

Но я возвращусь к твоему предыдущему вопросу. Я не знаю, о ком писать. Человека, одержимого жадной наживы, готового на все ради денег, я не понимаю.

— По-моему, такая уж судьба у художника — вживаться во все психологические типы, даже глубоко ему чуждые.

— А я не хочу! Мне неприятно вживаться, как ты говоришь, в подобный психологический тип. Еще и поэтому я не берусь сегодня за перо.

— В чем причина отсутствия крупных имен в современной драматургии?

— В растерянности. Во всеобщей растерянности.

— Виктор Сергеевич, а вам знакомо чувство гордости?

— Если я чем-то и горжусь, то своим жизнелюбием. Я переживал такие голода! Кору дерева грыз, на бойне кровь, текущую из бычьего горла, черпал кружкой и пил. Я очень бедно жил, а потом жил очень обеспеченно. И во мне ничего не изменилось. Во время войны, после ранения, мою ногу собрали из костей. Лечили, а потом перевели в палату смертников. А туда вносят живых, а выносят мертвых. Вносят и выносят. А я лежу и лежу. И меня обратно в палату выздоравливающих перевели. Ни на минуту не подумал, что помру. Да, нога болела, а я лежал и острил. Нянька говорит: «Чего ты такой веселый?» А я ей отвечаю: «Нога болит, а я-то тут при чем?»